

Рыцарь придержал коня.

Серая лошадь замерла в лучах утреннего света, посреди пропахших угольной пылью лачуг и толпившихся людей.

Рейнард не спешил спешиваться. Он сидел в седле, позволяя утреннему свету струиться из-за своей спины — по наплечникам, латам на груди и наручам, по обычным железным пластинам, которые сейчас сияли так ярко, будто изнутри их что-то освещало, окаймляя его силуэт сплошным сиянием.

Стоявшие на коленях люди поднимали головы, щурясь на него, а затем снова опускали взгляд.

Они не смели смотреть долго, потому что этот свет исходил вовсе не от солнца.

Взгляд Рейнарда скользнул по лицам людей, по жавшимся у дверей лачуг испуганным женщинам и детям, по окровавленному Громиле, подвешенному на дыбе, и наконец остановился на Карлсоне.

— Как шумно.

Лицо Карлсона мгновенно побелело.

Белизна эта проступала из глубины, слой за слоем, словно кто-то плеснул гашеной извести под кожу, а в руке он всё еще сжимал тот кусок золота, совсем забыв спрятать его.

Взгляд Рейнарда упал на золото.

Руки Карлсона задрожали, но из горла вырвался лишь сухой, сиплый звук.

— Чье оно? — спросил Рейнард.

Поль, которого вдали уже собирались заталкивать в темноту шахты, зарычал и забился, словно загнанный зверь. Обернувшись, он на миг заметил сверкнувшее в утренних лучах золото, и тут же услышал собственный голос, исторгнутый из самой глубины горла:

— Мое!

Этот возглас испугал всех, даже четверо державших его стражников остолбенели.

Поль отчаянно рванулся, повернувшись к нему, истерзанный и залитый кровью с грязью так, что черты лица слились в сплошное багровое пятно, но голос всё рвался наружу, словно из

груди пыталось вырваться что-то живое:

— Это мое!

Взгляд Рейнарда оторвался от лица Карлсона, перелетел через запыленную прогалину и уперся в окровавленного человека у входа в шахту.

Он чуть склонил голову, и оба следовавших за ним оруженосца тут же спешили.

Младший побежал быстрее: в несколько шагов он долетел до входа в шахту и оттолкнул растерявшихся стражников.

— Отпустите.

Охранники рудника переглянулись, покосились на далекого Карлсона, а затем на молодого человека в кольчуге — на её кольцах витиеватым узором вились древние руны, едва заметно мерцавшие в солнечном свете.

Они разжали руки.

Поль так и остался стоять — весь в крови и угольной пыли, в прилипших к телу лохмотьях, сквозь которые виднелись полосы от кнута и затянувшиеся раны.

Молодой оруженосец поморщился, но ничего не сказал. Подхватив Поля под руку, он повел его к рыцарю.

Поль шел очень медленно, и вовсе не из-за боли, а потому что заметил Лэанну.

Она всё еще стояла на коленях у входа в лачугу, прижимая к груди Лорена. Лицо Лорена было залито кровью, но глаза открыты, и он смотрел прямо сюда, а за их спинами жалась Эльза.

Поль попытался улыбнуться им, но лицо уже не повиновалось.

Он остановился перед конем Рейнарда.

Конь был высок, и Полю пришлось запрокинуть голову, чтобы разглядеть всадника.

Солнце било из-за спины седого рыцаря, превращая его силуэт в слепящую золотую рамку — лица Поля не разглядел, заметив лишь глаза.

Они оказались точь-в-точь как у Лэанны — серо-голубые, словно еще не замерзшее зимой озеро на Пиках Метели.

— Ты говоришь, это золото твое? — голос Рейнарда донесся сверху.

— Да.

— Откуда выкопал?

— С Горы Хэйлун.

По преданию, то место было проклято, и старики из поколения в поколение передавали одну и ту же историю: гора эта любит изрыгать огонь, и течет в ее недрах не раскаленная лава, а драконья кровь.

Говорили, та кровь пропитала каждую жилу, и поныне добытая в глубокий час ночи руда всё еще обжигает руки.

Закончив смену, шахтеры опускали руки в ведра с водой и видели, как между пальцами поднимаются тонкие струйки пара, словно что-то исподволь вытягивали прямо из их кожи.

Рейнард придержал коня и посмотрел на ту гору.

Днем или ночью, саму Гору Хэйлун на самом деле было не разглядеть.

Смертным издалека открывались лишь свет и туман.

Свет этот был мрачным, багровым, сочащимся из трещин на склоне, точно незаживающая рана с вечно вывернутыми краями, что не затягивается рубцом.

Порой свет резко вспыхивал, и на мгновение из темноты проступали очертания всей горы, чтобы тотчас снова раствориться в глубине тумана.

Старые рудокопы поговаривали, что это гигантский дракон ворочается в ее чреве.

Будучи вассалом сэра Варелы и рыцарем добродетели человеческого королевства, Рейнард, конечно же, бывал внутри той горы.

Но он из тех, кому посчастливилось спастись.

Мучительные воспоминания давно раскололись на куски, оставив в памяти лишь раскаленные обломки.

Жар — такой, что легкие будто запекались.

Морковная тьма — такая глухая, что казалось, глаза вот-вот выжгут наживо.

И звуки: дыхание, доносящееся будто из самой сердцевины земли.

Хотя дыхание это вовсе не предназначалось Рейнарду, и ему даже казалось, что неведомое чудовище вообще не подозревает о его присутствии.

Но звук этот всё равно сковывал по рукам и ногам, словно заяц, услышавший змеиное шипение в глубине травы, когда в голове остается лишь одна мысль: не двигайся, не издавай ни звука, не привлекай внимания.

Потом Рейнард бежал.

Бежал изо всех сил, пока в груди не запылал пожар, пока колени не начали биться о скальные выступы, не чувствуя боли.

Выбравшись наружу, он просидел на солнце весь день.

Позже кто-то спросил его: что ты на самом деле видел в той горе?

Рейнард ответил правду: там были жуки, обвалы, ядовитые испарения, колебания энергии земных жил.

Он не лгал, всё это действительно присутствовало там.

Но было и кое-что еще.

То, о чем Рейнард не мог рассказать, то, чему не находилось подходящих слов.

Рейнард повернул голову к Карлсону.

Лицо управляющего побелело еще сильнее, а голос задрожал, как зерна в решете:

— В-ваша милость! Этот мальчишка врет! Он, он и вправду ходил на Гору Хэйлун, но никаких сокровищ не нашел! Мы следили за ним, он просто прятался неподалеку! Этот самородок он

наверняка украл из шахты! Точно украл!

Рейнард просто смотрел на Карлсона, наблюдая, как шевелятся его губы, как оттуда потоком изливается грязная ложь, которую уже не остановить.

Затем рыцарь лишь чуть изогнул уголки губ, и слова Карлсона оборвались на полуслове, словно кто-то схватил его за горло.

— Карлсон.

— В-ваша милость?

— Хотя я и не силен в горном деле, но прекрасно знаю: этот рудник отродясь не давал золота.

Он забрал кусок золота из рук Карлсона, поднял его перед глазами и внимательно всмотрелся на свет.

— Особенно такого... драконьего золота.

Карлсон замер.

— В-ваша милость? Что такое... драконье золото?

Рейнард поднял правую руку, вытянул указательный палец и легко коснулся подушечкой самородка.

Серебристо-белое сияние разлилось по его пальцу, словно лунный свет, проникающий в воду.

Свет пал на металл, и поверхность золота немедленно покрылась тонким слоем красноты — то был не отблеск, сияние проступало изнутри, будто что-то плавилось в самом сердце слитка.

Затем из самородка поднялась тончайшая багровая нить пламени, похожая на раскаленный рыжий волос.

Рейнард склонился ближе и втянул носом воздух.

Этот язычок пламени послушно последовал за его дыханием, втянулся в ноздри и бесследно исчез.

Рыцарь закрыл глаза, и в тот же миг его духовное восприятие ощутило нечто необычайное.

Рудник вокруг затих, словно кладбище, ветер доносился издалека, прорываясь сквозь щели хижин и издавая заунывный вой, похожий на плач.

Рейнард открыл глаза.

— Это драконье золото, золото, пропитанное дыханием дракона. Такое не сыскать в мире смертных.

Поль не знал, что сказать.

Он просто стоял, запрокинув голову, и смотрел на сияющего человека в седле.

Свет не слепил глаза, он был теплым.

Поль вдруг вспомнил рассказанную бабушкой сказку о том, что в жилах некоторых людей течет особая кровь.

Например, рыцарей добродетели — тех, кто некогда заключил договор с богами и возомнил себя защитниками справедливости.

— Как тебя зовут?

— Поль... Поль Отавис.

— Поль Отавис, а ты знаешь, сколько стоит этот самородок?

Поль покачал головой.

Он не знал. По правде говоря, он понятия не имел.

Поль помнил лишь те двадцать два дня, когда от голода у него начинались галлюцинации, когда он падал на землю и слизывал с камней капли росы.

Он знал лишь, что по ночам кусок металла раскалялся так сильно, что уснуть было невозможно, и в горячечных снах ему виделись пламя и гигантские крылья.

Но ценности этого золота он не представлял.

Рейнард взвесил слиток на ладони.

— Огромных денег. Достаточно, чтобы выкупить этот рудник... и едва ли не половину рабов.

Воздух внезапно замер.

Ветер продолжал дуть, в далеком карьере еще трудились люди, а откуда-то издалека доносился глухой перезвон колокола.

Но у всех перехватило дыхание: у рабов, сбившихся у дверей лачуг, у женщин с детьми, замерших в отдалении, у стражников, державших Поля минуту назад, и у поверженного на землю Карлсона. Все взгляды устремились на Поля.

Поля стоял весь в крови, в прилипших лохмотьях, а из протертых башмаков выглядывали грязные пальцы ног.

— Господин. Я хочу... попросить об одном одолжении.

— Говори.

— Я хочу, чтобы моя семья обрела свободу.

Эти слова давались мужчине с таким трудом, будто он выжимал их из груди последними силами.

Свободные люди.

Стоило прозвучать этим трем словам, как они упали на дно стоячей воды тяжелым камнем.

Все остоленели.

Сколько лет минуло с тех пор, как на рудниках Горы Хэйлун кто-то вновь осмелился питать столь несбыточные надежды?

Рейнард посмотрел на Поля.

Он не сказал ни да, ни нет.

— Этот самородок ваш, вот и отправляйтесь сами торговаться с сэром Варелой.